

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН

КОМПЛЕКТ
ИЗ 3-Х КНИГ

Владимир Березин

**Мамонт, Уранотипия,
Свидетель. Комплект из 3 книг**

«Азбука»

2024, 2025, 2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Березин В. С.

Мамонт, Уранотипия, Свидетель. Комплект из 3 книг /
В. С. Березин — «Азбука», 2024, 2025, 2026

ISBN 978-5-389-34022-0

В данный комплект вошли три романа Владимира Березина: 1. Мамонт: Кирилл Еськов одержим идеей найти останки мамонта. Некий писатель отправляется на машине времени в будущее, и увиденная картина его поражает. Физик Лебедев с риском для жизни контрабандой через Каспийское море переправляет прибор, способный перемещать во времени и пространстве. В этой книге множество героев, у каждого – своя великая цель, но все они связаны большой историей, хотя сами об этом не догадываются. В «Мамонте» причудливо переплетаются сюжетные линии таинственной машины времени, то и дело меняющей хозяев, и поиска последних мамонтов, живших когда-то на Крайнем Севере. Вымышленные герои соседствуют с реальными людьми, а литературные персонажи разных книг ведут беседы между собой. Роман «Мамонт» временами притворяется авантурным романом, временами – педантичной исторической прозой, а иногда оборачивается жутчайшим хоррором. 2. Уранотипия: Тридцатые годы XIX века. Палестина. Русские военные картографы отправляются с тайной миссией на Святую землю, но для героев это не просто дипломатическая командировка – в Иерусалим их привела сама Судьба, и каждому уготовано своё испытание. Максим Никифорович Быков бредит желанием сделать уранотипию Иерусалима – прототип тогда ещё не изобретённой фотографии. Поляк Витольд Витковский охвачен воспоминаниями о юной цыганке, чью свободу он когда-то выкупил на невольничьем рынке за высокую цену. Беглый монах движется из темноты пещеры на свет и встречает свою смерть. Французский и английский шпионы пытаются выяснить, что за таинственный предмет повсюду носят с собой русские путешественники. 3. Свидетель: Главный герой «Свидетеля» – капитан, успевший повоевать на излёте Советского Союза, наблюдатель в мире, возникшем на обломках былой империи. Он отрешённо странствует по России и другим странам, встречает

людей из прошлого, влюбляется, теряет возлюбленную, находит её, чтобы вновь потерять, и теперь уже навсегда... «Свидетель» отсылает к одной из лучших книг о Гражданской войне – «Сентиментальному путешествию» Виктора Шкловского, и война становится равноправным героем этой книги. А ещё это роман о девяностых – времени не только большого подъёма, но и великой растерянности. Это книга об эпохе, успевшей превратиться в миф.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-34022-0

© Березин В. С., 2024, 2025, 2026

© Азбука, 2024, 2025, 2026

Содержание

Мамонт	7
Глава первая	7
Глава вторая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Сергеевич Березин
Мамонт, Уранотипия,
Свидетель. Комплект из 3 книг

© В. С. Березин, 2024, 2025, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2024, 2025, 2026

Издательство Азбука®

* * *

Мамонт

Ищу спутников для опасного путешествия. Небольшое жалованье, холод, долгие месяцы полной темноты, постоянная опасность. Вероятность возвращения домой невелика. Честь и признание в случае успеха.

Сэр Эрнест Шеклтон

*Tho' much is taken, much abides; and tho'
We are not now that strength which in old days
Moved earth and heaven, that which we are, we are,
One equal temper of heroic hearts,
Made weak by time and fate, but strong in will
To strive, to seek, to find, and not to yield¹.*

A. Tennyson. Ulysses

Посвящается советским исследователям и учёным-палеонтологам, геологам и полярникам, морякам и лётчикам. Людям, что сделали невероятное в самое сложное время и в самых сложных условиях и при этом зная, что нет ничего прекраснее процесса познания, который сильнее человеческой злобы и подлости. Этот процесс сильнее оружия и даже самой смерти. Познание окружающего мира и его плоды удивительнее любого приключенческого романа, и, что бы потом ни придумали писатели-фантасты, ничто не сравнится с их биографиями и научным подвигом.

Глава первая

Ленинград, январь 1942 59°57'00" с. ш. 30°19'00" в. д.

Посетитель музея. Холодная зима в большом городе. Предначертание судеб и опись героев

Была лютая зима, а может, так ему казалось от недоедания. Город вымерз, и жители уничтожали его, как термиты, выжигая мебель, книги, дверные косяки и всё, что могло гореть.

Еськов прошёл по набережной, а потом спустился на лёд, покрытый десятками тропок.

За спиной у него висел тощий вещмешок системы «сидор» и пистолет-пулемёт системы Дегтярёва. Оружие это сделали чуть севернее, в Сестрорецке, такие же голодные люди, как и те, что сейчас грелись в городе горящей в печках мебелью.

Медный всадник смотрел Еськову в спину. Самого бронзового императора не было видно из-за мешков с песком, и оттого Еськов представлял его себе как пулемётчика в доте, пулемётчика, оставленного на крайний час, когда снимется и уйдёт охранение. В этот крайний для себя

¹ ...Многих нет, // Но многие донныне пребывают. // И нет в нас прежней силы давних дней, // Что колебала над землёй и небо, // Но мы есть мы. Закал сердец бесстрашных, // Ослабленных и временем и роком, // Но сильных неослабленною волей // Искать, найти, дерзать, не уступать. // (Перевод Константина Бальмонта)

час пулемётчик ударит из своей засады и, наверное, успеет выкосить две-три волны наступающих.

Впрочем, всадник остался далеко позади. Еськов пересекал Неву, а вокруг него был осаждённый город.

Два с половиной века истории глядели на него через пустые проёмы выбитых окон.

Он поднялся по заметённым снегом ступенькам на Университетскую набережную и пошёл в сторону Республиканского моста, пока не остановился у цели.

Перед ним стоял Зоологический музей, и вахтёр, сидевший в своём закутке за стеклянной дверью, не обратил на него внимания. Перед вахтёром стояла кружка, видимо с кипятком, и Еськов, пожалуй, тоже не стал бы отрываться от неё, чтобы расспрашивать человека в форме. Если человек в форме пришёл в музей и знает, куда ему идти, то он главное вахтёра.

Поэтому Еськов небрежно козырнул в грязное стекло будки и вступил в гулкие выставленные залы.

Одно окно было отчего-то не завешено, и в неверном свете зимнего солнца посетитель остановился перед мамонтом.

Еськов встал так, чтобы стеклянные глаза чучела смотрели прямо на него.

Он говорил с мамонтом, который умер сорок четыре тысячи лет назад.

Мамонта сорок лет назад нашёл эвен-охотник. Охотник боялся мамонта, хотя от него торчала одна только голова. Охотник боялся мамонта, и его друзья-охотники боялись, и всё же они выломали один из бивней и повезли его продавать.

Бивень купил казак, а потом вернулся и за остальным.

Через год за мамонтом приехали белые люди. Они ехали долго – месяц за месяцем. Сперва они добрались до Дальнего Востока, затем до реки Колымы, потом поднимались по реке Берёзовке, и с каждым шагом идти им было всё труднее.

Мамонта это всё не касалось. Сорок четыре тысячи лет сидел он в вечной мерзлоте, и время текло мимо него, ничего не меняя. Белые люди достигли его в сентябре, и на свежем снеге выглядели диковинными птицами. Было холодно, потому что зима приходит в тундру рано. Белые люди построили над мамонтом избу, чтобы внутри оттаивала мёрзлая земля. Мамонт равнодушно смотрел на них пустыми глазами.

Его разрезали на части и повезли через начинающуюся зиму. Мамонт отнёсся безразлично к тому, что его ноги, голова и тело едут в разных кожаных мешках – за сорок четыре тысячи лет, которые он провёл в неудобной позе, это было даже развлечением.

Вокруг него сустились учёные, и он позволял им наново собирать свои кости.

К нему пришёл император.

Мамонт смотрел на этого маленького человека с синей лентой через плечо и знал, что ни один император не вечен. И этому, что стоит перед ним, наверняка осталось недолго.

Так и вышло – и человека с лентой, и женщин, что были с ним, скоро постигнет та же судьба, и кости их будут жить в мешках – кожаных и не кожаных, и их тоже будут трогать учёные, перекладывая от одной кучи к другой.

А теперь перед мамонтом стоял младший лейтенант Еськов, и снег на его валенках не таял.

Еськов располагал ещё тремя часами, за которые он рассчитывал добраться пешком до места сбора. У него было две лишние дырки в спине, на которых, когда он нагибался, пульсировала новая розовая кожа.

Но мамонт этого не видел.

У мамонта было шестьдесят лет жизни и сорок четыре тысячи лет сна, а у младшего лейтенанта Еськова жизни было в три раза меньше, а последние полгода он вовсе не спал. Последние полгода он разве что дремал урывками.

Сон для младшего лейтенанта был чем-то вроде мечты, воспоминанием о том времени, когда он, ещё мальчиком, сидит на кухне и дремлет под бульканье огромной кастрюли на плите. Кастрюля ухает и жарко дышит белым боком, но в ней не еда, а грязное бельё в мутной мыльной воде. Но всё равно она горяча, горяча, горяча, от неё исходит летний жар...

– А вы неплохо переносите холод, – сказал кто-то ему в спину.

По старой привычке Еськов резко обернулся, перехватив ствол своего автомата.

Но это был не враг, а человек музея. Просто за месяц госпиталя Еськов не мог отвыкнуть от страха, который вызывал неожиданный шум за спиной.

– Можете помочь? – тускло спросил музейный работник.

Еськов молча пошёл за ним.

Они спустились прямо к месту, где сидел вахтёр, и, подойдя ближе, Еськов понял, что он давно мёртв – быть может, уже несколько дней.

Вахтёр сидел перед кружкой, как шахматист перед шахматной доской. Только в кружке уже был лёд странного цвета. И стало быть, игра не задалась.

Вдвоём они вытащили вахтёра из-за стола, не пытаясь распрямить его тело.

– А знаете, – сказал музейный работник, – ведь мы с Николаем Степановичем ровесники. Только он всю жизнь просидел здесь, а я стал академиком.

Еськов удивлённо посмотрел в лицо собеседнику. Голод сильно менял лица, и раньше младшему лейтенанту казалось, что музейному человеку лет тридцать. Но, присмотревшись, он увидел, что у музейного человека лицо точно такое же старое, как у вахтёра.

Лица часто жили своей жизнью; в первую блокадную зиму Еськов видел, как лица умирали прежде людей. Но этот академик со старой пергаментной кожей крепко держался за жизнь.

– Сейчас придёт машина, она по чётным числам тут проезжает... – сказал академик и уже еле слышно прошелестел: – Проезжает и собирает... Прилуцкий тоже умер, и позавчера некому было их позвать. Глупо как-то, будто в ноябре, я думал, что так уже не будет...

Они поставили чайник на примус и скоро допили морковный чай за мёртвым вахтёром.

Полуторка, что действительно скоро приехала, шла в нужном младшему лейтенанту направлении, и его подвезли.

Он ехал по темнеющему городу в кузове – вместе с вахтёром и ещё какими-то людьми, земное время которых уже кончилось. Теперь они находились в вечности, что сорок четыре тысячи лет окружала мамонта. Мёртвый император со своей семьёй тоже был там, лёжа глубоко под землёй.

И командир батальона, к которому ехал младший лейтенант Еськов, тоже уже находился в царстве мёртвых. Пока Еськов шёл по замёрзшему льду Невы, на их участке была танковая атака, и с тех пор верхняя часть туловища комбата лежала рядом со взорванным танком.

Всё дело было ещё и в том, какой был сегодня день.

Еськова спешно выписали из госпиталя, потому что фронт дышал началом очередного прорыва с той стороны и каждый человек, который мог драться, был на счету.

В этот момент контр-адмирал Роберт Эйссен начал диктовать машинистке черновой вариант статьи «„Комета“ огибает Сибирь». Еськов ничего не знал о высшем офицере кригсмарине Эйссене, как не знал и о судьбах покойников, ехавших вместе с ним в кузове.

А старший лейтенант Серго Коколия осматривал вооружение своего ледокольного парохода и не знал, о чём больше тревожиться – о его слабости или о слабости обшивки.

Половина страны была занята неприятелем. Некоторым и вовсе было всё равно – как, например, крепкому украинскому парню Скирюку. Сначала он жил под поляками, и ему поляки не нравились, потом он жил под Советами, и Советы ему не понравились тоже. К немцам он также не испытывал радостных чувств – жизнь его почти не изменилась, и пока он сидел у себя в прикарпатской хате, особо не интересуясь войной.

Еськов двигался навстречу своей судьбе, ещё не зная всего этого.

Пока все они были там, в одной точке пространства и времени, мёртвые и живые, вместе с древним рыжим мамонтом. Они были вместе – с той только разницей, что, в отличие от мамонта, никто и никогда не будет разглядывать людей, что умерли сейчас и умрут позднее, через стекло музейной витрины.

А Еськов был жив, только дышал аккуратно, чтобы внутри его воздух вёл себя спокойно и не давил резко на простреленные лёгкие.

Глава вторая

Териоки, июнь 1913 60°16'79.17" с. ш. 29°86'09.79" в. д.

Дачная местность в преддверии больших перемен, странная машина в сарае, предсказания писателей, неожиданный эксперимент с предсказуемым результатом

Они сперва шли вдоль залива, разговаривая о высоких энергиях, а когда свернули на дорожку между дачами, перешли к химии. Говорили о том, что тайны химии ближе людям, чем тайны атомов. Старик печалился о том, что это не скоро поймут, и хвалил своего спутника за то, что тот сочетает химию и физику.

Ночь кончалась, да, впрочем, и ночи в Териоках сейчас никакой не было.

Двух собеседников окружала тишина, и даже птицы, казалось, замерли, набираясь сил. Только слышен был в этой тишине ритмичный шум прибора.

Один из прогуливающихся был совсем молод. Он, почти мальчик, худой и высокий, продолжил долгий разговор:

– И всё-таки я люблю работать по ночам – у нас были сложности с лабораторией, приборов мало, а ночью всё свободно, никто не мешает. Люблю ночь.

– Любовь к ночным светилам прекрасна, но не провороньте ваши дни: вам нельзя отказываться от общения со студентами. Настоящему учёному нужно преподавать: только так вы будете проверять самого себя. Студенты безжалостны, – отвечал ему старик с острой бородой, – но устоявшее после их проверки стоит, как правило, прочно.

– Студенты сейчас больше думают о революции, а не о формулах.

– Это пройдёт. И революция, и половой вопрос.

– Половой вопрос пройдёт? Взаправду?

– Ну не он, а ажитация.

– Так всё пройдет, но какой ценой мы оплатим наши эксперименты?

– Это не наши эксперименты, а *их*. – Старик произнёс «наши» с сильным нажимом.

– Наши, – молодой отвечал старику с тем же нажимом, – просто мы в качестве лабораторных крыс, а не экспериментаторов. И отказаться нельзя. Наша революция – прямое следствие той, французской. Они ведь всё придумали за наших эсеров – закон за законом, пункт за пунктом. Никаких, прости господи, марксистов, никаких бомбистов. У французов сто лет назад уже были все нужные слова: «враг народа», «контрреволюция», «революционный трибунал», «ревком»... Ну и прочее – если в России снова начнут, им вовсе не нужно будет ничего изобретать. Нас с вами гильотинируют... нет, всё же расстреляют по очередному «Закону о подозрительных». Все эти желания кровавых перемен и массового живодёрства не в культуре, а внутри человека. Вот даже эротические эксперименты у наших союзников-лягушатников уже были – и вполне революционные. Маркиза де Сада из Бастилии, кстати, освободили... Впрочем, не помню точно, как там было.

* * *

В этот момент окошко одного из финских домиков открылось, и оттуда вывалился молодой человек довольно странной наружности. Во-первых, он был в мятой блузе, какие обычно носят художники, а во-вторых, идеально брит и головой напоминал бильярдный шар. Со стороны могло показаться, что из окна его выбросил пороховой заряд.

Молодой человек встал и, отряхнувшись, погрозил кулаком в окно.

Затем он снова похлопал себя по брюкам, счищая песок, и споро пошёл в сторону железнодорожной станции.

– Да-с, – с некоторым недоумением заметил старик. – Вот случай. И боюсь, мы никогда не поймём, что это было.

– Да что тут думать? Кого-то выкинули из дому за дурное поведение; возможно, человек напился и позволил себе лишнее. Этот человек брутальной поэтической наружности сейчас молод, а как почует запах смерти, потребует какого-нибудь химика воскресить его наново. От меня или от вас, к примеру, потребует. Наблюденные факты иногда очень просты, даже физические факты.

– Как знать, вдруг когда-нибудь природные законы окажутся слишком сложными? Такими сложными, что вы не поймёте моей работы, а я – вашей? Сейчас тысяча девятьсот тринадцатый год, а кто знает, что будет через сто лет? Я через пару лет уже не узнаю научного пейзажа. Но мы – естествоиспытатели природы, мы будем нужны всегда. Только давайте вернёмся, надо заснуть, прежде чем проснётся наша молодежь. А вечером нас опять будут терзать про Эйнштейна и теорию относительности. Мои гости всегда путают дачную жизнь с публичным лекториумом...

И прогуливающаяся пара повернула обратно.

* * *

Но вечером ни молодого физического химика из второй столицы, ни профессора Е. И. В. Санкт-Петербургского университета и многих почётных званий и орденов кавалера не спрашивали ни о теории относительности, ни о скорости света, ни о машине времени.

Говорили на дачной веранде о революции, да только о революции особого рода – «половом восстании», как это явление назвала стриженная курсистка.

Едва слышно, но очень быстро хлопал крылышками мотылёк, пожизненный узник абажура.

В круге света тускло светились лафитники и чайные чашки.

Говорили о проблеме пола, и студент в расстёгнутой тужурке уже прочитал чужое стихотворение:

Проклятые вопросы,
Как дым от папиросы,
Рассеялись во мгле.
Пришла проблема пола,
Румяная фефёла,
И ржёт навеселе.

Москвич с опаской полез в разговор, как купальщица в быструю реку:

– Но это ещё не всё там! Помните, как там кончается?

Научно и приятно,
Идейно и занятно —
Умей момент учесть:
Для слабенькой головки
В проблеме-мышеловке
Всегда приманка есть.

– «Проблема-мышеловка» – как верно это сказано!

Но его не слушали.

Какое-то странное напряжение сгустилось в воздухе. Его рождали близость моря, запахи сосен и молодые женщины рядом, казавшиеся доступными, причём доступными не так, как раньше, а по революционному обету, для прогресса.

Говорили также о том, что в будущем случится свобода не только социальная, но и половая. Причём для всех. Вспомнили и изломанных молодых людей, что томно сидели в летних ресторанах, не особо скрываясь.

Приехавший из города знаменитый писатель утверждал, впрочем, что энергия, накопившаяся в педерастах, послужит делу революции – ибо она только увеличивается и копится под спудом.

Старик-профессор брезгливо поморщился:

– Это ж содомия. Вот завтра заглянет к нам наш сосед-дьякон, он вам подробно это распишет.

– Бросьте, а Чайковский... – не отставал писатель.

– Нет, Чайковского мы вам не отдадим, скотство какое! Сводить Чайковского к содомии!

– Да отчего же скотство!

– Да оттого! Оттого, что приказчик, причём всякий приказчик теперь думает: «Ага, Чайковский-то кто!» И вот от этого приказчик чувствует, что он в своей низости ближе к Чайковскому, что своим выдуманным грехом Чайковский со своей бессмертной музыкой становится ниже – на один уровень с толпой. Понимание его музыки, которое трудно и требует работы над собой, замещается обсуждением мерзкой сплетни...

Москвич с любопытством слушал всё это, но теперь уж в разговор не мешался. Насчёт Чайковского он своего мнения не имел. Молодой учёный снимал тут не дачу, а сарай у одного финна. Сперва, когда он завёз в сарай оборудование, финн решил, что новый жилец решил устроить у него динамитную мастерскую, и даже привёл полицейского. Московский гость показывал бумаги и чертежи, но убедил осторожного финна визит адмирала из Петербурга. Адмирал был на самом деле кораблестроителем, полным академиком и более академиком, чем генералом.

Чёрный мундир адмирала произвёл на финна неизгладимое впечатление – как, собственно, и предполагалось.

Но как только дверь дачной лаборатории закрылась, мундир повис на стуле, а суровый адмирал стал ползать под странным агрегатом, состоявшим из баллонов, насосов и электрических моторов. Его заинтересовала идея остановить движение молекул абсолютным холодом и обратить его вспять, вернув тем самым прошлое. Пустить время обратно – чем не прекрасная идея, вот и приехал академик посмотреть на молодого да раннего гения – не то химика, не то физика. Приехал он по совету своего давнего друга-профессора, который каждое лето жил среди финских сосен и скал.

А молодой да ранний каждый вечер ходил к своему соседу, на даче у которого собиралась молодёжь. Старик любил молодых без разбору на чины. Он был одинок, и гости заменяли ему семью.

Иногда хозяин с московским гостем отправлялись гулять в середине ночи – они оба ценили это время, годное для неспешных мыслей. День – время решительных обобщений и смелых деклараций, а ночь хороша для осторожных рассуждений и медленных исследований.

Под утро молодой москвич двинулся к своей лаборатории, в ставший уже родным сарай.

Он пошёл по тропинке между дачами и вдруг увидел за кустами на берегу тело. Москвич всмотрелся в странную позу и обнаружил, что в руке у лежащего зажат револьвер.

«Самоубийца», – с ужасом подумал москвич, но в этот момент тело пошевелилось. Крепкий юноша со светлыми кудрявыми волосами просто спал, но спал отчего-то с оружием в руке.

«Нет, не понять мне этих петербургских нравов, – подумал тогда москвич. – А ну как этот молодец просто охраняет лодки, да и заснул за этим делом. Лодки, я слышал, тут воруют и перекрашивают. Лодки и взаправду рядом нет... Но всё же как это я его быстро принял за самоубийцу – как отвратительно быстро я это сделал. Самоубийства у нас стали модными, не пугают гимназистов черти со сковородками. Да и гимназисток не пугают. Вот и я, дурак, вижу всё пессимистически, а этот парень, видать, просто приплыл на лодке из Сестрорецка да принялся ловить фармазонов, что покушаются на таких, как он».

* * *

Поздним утром все сошлись на профессорской даче за завтраком.

Молодой человек сидел со своим наставником, который отговаривал его переезжать в Северную столицу: «А не заключают ли вас тут на болотах, голубчик, а? Лучше жить дома, подальше от двора, как нам, помните, завещал Плиний-старший».

Потом на веранде появился и Писатель.

Писатель с утра был помят и глядел медведем, не вовремя прервавшим спячку. Москвич спросил его (больше из вежливости):

– А что вы пишете? Что сейчас вы пишете?

Писатель поднял на него глаза и сказал, что сочиняет роман о России будущего.

Там не будет церкви вовсе. И венчаний не будет.

– Да помилуйте, как же так?

– А заметьте, – прошептал хозяин москвичу. – Заметьте, что наш священник взят напрокат из «Дуэли» Чехова?

Москвич согласился, но в этот момент Писатель, переваливаясь корпусом, действительно как медведь-шатун подошёл к ним.

– Я хотел бы узнать ваше мнение как физика. – Он ткнул пальцем в старика. – Вот в чём дело – в моём романе через сто лет всё человечество объединилось.

И для развития прогресса ему понадобилось электричество в невиданных доселе количествах – поэтому тысячи техников, инженеров, астрономов, математиков, архитекторов и других учёных специалистов будут самоотверженно работать над осуществлением самой вдохновенной, самой героической идеи: Всемирный союз анархистов решит обратить земной шар в гигантскую электромагнитную катушку и для этого обмотают его с севера до юга спиралью из стального, одетого в гуттаперчу троса длиной около четырёх миллиардов километров. На обоих полюсах они воздвигнут электроприёмники необычайной мощности и наконец соединят между собою все уголки земли бесчисленным множеством проводов.

Управление будет осуществляться с Северного и Южного полюса, с главных станций великой Электроземномагнитной ассоциации. И вот дальше...

Писатель остановился и обвёл дачную веранду похмельным взглядом, снова остановившись на хозяине и его молодом друге.

– Послушайте, вы же химики, вам должно быть это понятно – неистощимая магнитная сила Земли приводит в движение все фабрики, заводы, земледельческие машины, железные дороги и пароходы. Она освещает все улицы и все дома и обогревает все жилые помещения. Она делает ненужным дальнейшее употребление каменного угля, залежи которого, кстати, скоро иссякнут. Она стирает с лица земли безобразные дымовые трубы, отравляющие воздух. Она избавляет цветы, травы и деревья – эту истинную радость земли – от грозившего им вымирания и истребления. Наконец, она даёт неслыханные результаты в земледелии, подняв повсеместно производительность почвы почти в четыре раза. А, каково? Но что вы мне ещё могли посоветовать?

– Но как я могу вам советовать? – добродушно ответил старик. – Это же у вас, позвольте сказать, аллегория! Никакого отношения к реальной науке это иметь не должно, да и не имеет.

– Как, разве электричество не получается из магнетизма?

– Получается. Но для этого вовсе не достаточно опутать всю землю проводами, да к тому же почему стальными, а не медными?

– Вы оставьте это, тут у меня пафос социальный. Это ведь у меня царство иных людей, по-настоящему свободных, они красивы и телом, и душой, как настаивал Чехов. Да и одеждой красивы, хотя одежда им, может, и вовсе не понадобится. Климат изменится, и все будут словно в раю.

– То есть голые?

– Не голые, а как античные статуи. Они будут открыты любви. Любовь тоже будет свободной.

– Далась вам эта свободная любовь! Бывает ли несвободная?

– Нет, слушайте дальше – эти человекобоги соберутся вместе – и всё будет общим, они совместно будут воспитывать детей. Всё будет по желанию, и ничего запретного.

– И чувства мужчины к женщине?

– Разумеется. И вот герои собираются в каком-нибудь общественном месте. Натурально, вокруг мороз и холод, а тут стеклянные стены и всё обогрето электричеством. Там собираются люди, прекрасные, как греческие боги, лишённые былых пороков, действующие только согласно своим свободным желаниям. Они сидят за столами, танцуют и прогуливаются по огромной зале и вспоминают нас. У них праздник, и они вспоминают нас, да-да!

И вот встаёт их вождь и говорит: «Дорогие мои сёстры и братья! И вы, прелестные женщины, к которым теперь обращена моя страсть! И вы, сёстры, прежде любившие меня, вы, к которым моё сердце преисполнено благодарностью! Слава вечно юной, прекрасной, неисчерпаемой жизни. Слава единственному богу на земле – Человеку. Воздадим хвалу всем радостям его тела и воздадим торжественное, великое поклонение его бессмертному уму!

Вот гляжу я на вас – гордые, смелые, ровные, весёлые, – и горячей любовью зажигается моя душа! Ничем не стеснён наш ум, и нет преград нашим желаниям. Не знаем мы ни подчинения, ни власти, ни зависти, ни вражды, ни насилия, ни обмана. Каждый день разворачивает перед нами бездны мировых тайн, и всё радостнее познаём мы бесконечность и всесильность знания. И самая смерть уже не страшит нас, ибо уходим мы из жизни, не обезображенные уродством старости, не с диким ужасом в глазах и не с проклятием на устах, а красивые, богоподобные, улыбающиеся, и мы не цепляемся судорожно за жалкий остаток жизни, а тихо закрываем глаза, как утомлённые путники. Труд наш – это наслаждение. И любовь наша, освобождённая от всех цепей рабства и пошлости, подобна любви цветов: так она свободна и прекрасна. И единственный наш господин – человеческий гений!

Друзья мои! Может быть, я говорю давно известные общие места? Но я не могу поступить иначе. Сегодня с утра я читал не отрываясь замечательную и ужасную книгу. Эта книга – „История революций XX столетия“.

Часто мне приходило в голову: не сказку ли я читаю? Такой неправдоподобной, такой чудовищной и нелепой казалась мне жизнь наших предков, отделённых от нас девятью веками.

Порочные, грязные, заражённые болезнями, уродливые, трусливые – они были похожи на омерзительных гадов, запертых в узкую клетку. Один крал у другого кусок хлеба и уносил его в тёмный угол и ложился на него животом, чтобы не увидел третий. Они отнимали друг от друга жилища, леса, воду, землю и воздух. Кучи обжор и развратников, подкреплённые ханжами, обманщиками, ворами, насильниками, натравляли одну толпу пьяных рабов на другую толпу дрожащих идиотов и жили паразитами на гное общественного разложения. И земля, такая обширная и прекрасная, была тесна для людей, как темница, и душна, как склеп»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.